

ГЕРАСИМОВА Л.Е.,
кандидат филологических наук

ДУХОВНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ СПОРОВ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

Споры о Солженицыне — всегда споры о России, о ее прошлом и будущем. По пикам этих споров можно изучать историю русской общественной мысли за 50 лет и в зарубежье, и в самой России.

Духовную глубину этим спорам придал еще в 70-е годы протопресвитер Александр Шмеман (1921–1983) в статьях, выступлениях на радио «Свобода», в «Дневниках», опубликованных после его смерти. Художественные произведения Солженицына он рассматривал в духе триединого христианского утверждения о сотворенности мира «добро зело», о его падшести и возможности возрождения, восстания, спасения: «В творчестве Солженицына мир Божий предстает как мир падший, но призванный к возрождению и как мир, в котором это возрождение все время происходит и побеждает мир, в котором человек остается свободным»¹. Шмеман, назвав Солженицына «экзорцистом» русского сознания, впервые заговорил о всемирном значении его освобождения от идеологизма (советской идеологии), от мифов; о «зрячей любви» писателя к России, о пневматологии как свойстве его творчества. Политические споры о Солженицыне, эстетические споры в эмигрантской среде Шмеман видел в контексте «одного всеобъемлющего духовного кризиса, — суть которого, на последней глубине

¹ Шмеман А., *прот.* Беседы на Радио «Свобода»: в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 434.

его, — как раз в страшном, трагическом затемнении *человеческого лица*, в отрыве человека от духовной его сущности и назначения». «И именно в *явлении* этого кризиса, а также в подвиге его преодоления» видел отец Александр «главное в солженицынском творчестве»². Силу свидетельства Солженицына он назвал «подлинно всемирной». Статьи Шмемана задали масштаб размышлений, длящихся в отечественной и зарубежной науке десятилетиями, — о сотериологической концепции «Архипелага ГУЛага», о религиозной составляющей «Красного Колеса», о христоцентричности творчества Солженицына.

Продуктивны для понимания прозы и публицистики Солженицына и «несогласия» с ним отца Александра. В спорах с писателем о старообрядчестве, о Петре I, о понимании «русскости» Шмеман задает духовную высоту: «...не Церковь для России, а только в бесконечно трансцендентной, самоочевидной, все превышающей истине Церкви — и сама Россия, и всё в мире...»³. «Увидеть правду о прошлом можно действительно только “в Боге”»⁴.

В солженицыноведении мысли отца Александра Шмемана были встречены неоднозначно, а в идеологических спорах конца XX — начала XXI века — полностью проигнорированы. Снова, как и десятилетия назад, начинается все с искажения фактов, бездоказательных обвинений, призывов к «объективности», завершающихся призывами к бдительности властей.

Ю. Поляков 20 сентября 2014 года на портале газеты «Культура» заявил: «Не стану обсуждать литературно-художественные достоинства его творений, однако вынужден

² Шмеман А., *прот.* Собрание статей. 1947–1983/сост. Е. Ю. Дорман; предисл. А. И. Кырлежева. М., 2009. С. 818–819.

³ Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973–1983/сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман; предисл. С. А. Шмемана; примеч. Е. Ю. Дорман. М., 2005. С. 127.

⁴ Там же. С. 474.

заметить: Солженицын не просто уехал в свое время из Советского Союза (а СССР, хотим мы того или нет, по сути одна из политических версий исторической России), но фактически призывал американцев начать против него войну»⁵. Будучи уличен в клевете, редактор «Литературной газеты» не смутился и применил традиционный ход: «Гомерические оценки сложнейшей эпохи Ленина-Сталина, помещенные в эту книгу («Архипелаг ГУЛаг». — Л. Г.), серьезно расходятся с данными исторической науки и здравым смыслом»⁶. Никакие источники не названы, «здравый смысл» для Полякова идентичен с его тезисами: «Полагаю, что любой нормальный человек должен свою историю, прежде всего, любить» и «Нужно добиваться, чтобы она была написана с точки зрения интересов России»⁷. Гарантом здравого смысла и исторической достоверности вполне может стать известное ведомство: «...тут я скорее поверю 5-му управлению КГБ, окошмаривать которое в нынешней геополитической реальности я бы не рискнул»⁸. Ю. Поляков предупреждает власти от рисков: «Чтобы деятели культуры молодого поколения не делали для себя заведомо порочных выводов. В противном случае власть всегда будет видеть перед собой потенциал для очередного “болота”»⁹.

Игумен Филипп (Симонов) на сайте «Православие и мир» помещает ничем не доказанные оценки и Солженицына, и русской интеллигенции, и русского народа: «Если

⁵ Поляков Ю. Точка зрения//<http://portal-kultura.ru/articles/svoy/61550-svyataya-rus-i-velikaya-rossiya/>(дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

⁶ Поляков Ю. Ответ Н. Д. Солженицыной//<http://www.rg.ru/2014/09/25/solzhenicyn.html> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

⁷ Поляков Ю. Точка зрения.

⁸ Поляков Ю. Ответ Н. Д. Солженицыной.

⁹ Поляков Ю. Точка зрения.

в свое время “Архипелаг” — несмотря на множество серьезных фактологических огрехов — потряс советскую интеллигенцию (народ его так и не прочитал), как только может потрясать общество донос на него само, то теперь потрясать было некого — за отсутствием самой целевой аудитории как таковой»¹⁰.

Квалифицируя «Архипелаг ГУЛаг» как «явление совершенно нелитературное», игумен частично принимает его как «явление политической мемуаристики» и отрицает любую его историческую ценность: «Как источник информации по другим вопросам он абсолютно погрешим, вплоть до прямых ошибок и неверной информации». Единственное обоснование столь категорического суждения: «...я это знаю в связи с некоторыми вопросами судебных отечественных экономистов 20-х годов, с изучением наследия которых был в свое время связан». Бездоказательна и оценка «Красного Колеса»: «“Красное колесо” — это огромная творческая неудача. Книга есть, а читателя явно не нашлось»¹¹.

От своего имени и от имени народа игумен Филипп возглашает: «Сейчас (а уж в 90-е годы и подавно) — явно не время пророков. Тому, у кого в голове лишь одна мысль: *дай мне поеть красного, красного этого, ибо я устал* (Быт. 25, 30), — совсем не до величественных пророчеств, он другим занят»¹². Вызывает сомнение и смысл сравнения народа с Исавом, и претензия определять, когда — время пророков, а когда — не время.

Ю. Полякову отвечали многие. Письмо преподавателей и выпускников Института филологии и журналистики СГУ,

¹⁰ Игумен Филипп (Симонов) об Александре Солженицыне: Сейчас — не время пророков//<http://www.pravmir.ru/ne-vremya-prorokov-ili-chto-zhe-pisal-solzhenitsyin/#ixzz3KrSCfg43> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

размещенное на сайте change.org¹³, содержащее конкретные возражения главному редактору «Литературной газеты», подписали в Интернете более 130 человек. Сотни откликов получила на свою полемику с Поляковым Л. И. Сараскина¹⁴. Фактическим, благородным и по содержанию, и по форме был ответ Н. Д. Солженицыной¹⁵. Были, конечно, в Интернете и сторонники Полякова, и сторонники игумена Филиппа. Несомненно, важен ход спора, но еще важнее его исток, его политический контекст и контекст духовный.

Объявляя «Архипелаг ГУЛаг» как источник информации «абсолютно погрешимым», ненужным школьникам и другим читателям, унижая автора «Красного Колеса» как не вовремя явившегося «пророка», противники Солженицына движимы не литературными вкусами, а желанием отодвинуть в прошлое «историческую травму», как принято выражаться, а на самом деле трагедию русского народа, вывести из зоны ответственности нынешние поколения, отказаться от призывов Солженицына к раскаянию и очищению.

¹³ Петиция «Мы против искажения исторических фактов и оскорбления памяти великого писателя А. И. Солженицына»//<http://www.change.org/p/юрию-михайловичу-полякову-мы-против-искажения-исторических-фактов-и-оскорбления-памяти-великого-писателя-а-и-солженицына> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹⁴ См.: Сараскина Л. И. [Открытое письмо]//<http://www.rg.ru/2014/09/25/solzhenicyn.html> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.; Людмила Сараскина: К дискуссиям о месте Александра Солженицына в истории/беседу вела Д. Менделеева//<http://wwwpravmir.ru/author/mendel/> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

¹⁵ Солженицына Н. Открытое письмо Ю. Полякову, писателю, главному редактору «Литературной газеты»//<http://www.rg.ru/2014/09/25/solzhenicyn.html> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

Публицистические споры в Интернете корреспондируют и с научным дискурсом, претендующим на объективность: «...эпоха массовых репрессий 1930–1950-х годов начинает восприниматься в общественном сознании как новый героический эпос — совокупность трагических картин, отделенная от современности непроходимым разрывом, а значит, требующий от читателя и зрителей не отношения причастности/соучастия, но объективирующего, отстраненного взгляда»¹⁶.

В «мировоззренческой растерянности современности» (Солженицын) осознать опыт духовного поражения, богоотступничества огромных масс народа и большинства интеллигенции и опыт выхода из поражения, явленный писателем — «одним из свидетелей и страдателей XX века», — задача прежде всего духовная.

Оппоненты Солженицына спорят больше всего о цифрах жертв репрессий, обвиняют писателя в преувеличении этих цифр, в отсутствии документальных подтверждений. Сами же полемисты объявляют, что при советской власти пострадали «всего» пять-шесть миллионов человек (варианты — пятьсот-шестьсот тысяч и подобные), не ссылаясь на достоверные источники, руководствуясь «здравым смыслом». В действительности в настоящее время историческая наука не знает количества погибших в ходе репрессий. И не будет знать, пока не будут собраны сведения по каждому лагпункту, городу, поселку, селу. Но даже когда эта колоссальная работа будет проделана (а судя по тому, как наследники ВЧК-ГПУ-НКВД тормозят доступ исследователей к своим архивам, на скорые результаты рассчитывать не приходится) — даже тогда мы получим лишь приблизительные цифры, ибо для уничтожения материалов было достаточно времени.

¹⁶ *Кукулин И.* Археология сталинского детектива. От редактора // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. С. 193.

А. И. Солженицын ссылается в «Архипелаге» на данные профессора Курганова, оговаривая возможность их последующего уточнения. Но несомненными остаются *формы* уничтожения большевиками своего народа, ужасающие не меньше цифр. «По подсчетам эмигрировавшего профессора статистики И. А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, — оно обошлось нам в... 66,7 миллиона человек (без этого дефицита — 55 миллионов)»¹⁷, — уточняется в «Архипелаге».

Сосредоточившись только на цифрах, оппоненты Солженицына сознательно или бессознательно принимают антропологическую платформу создателей ГУЛага, присвоивших себе — на основании марксистской идеологии — право судить или без суда наказывать человека не за что-то, а во имя чего-то, жертвовать «человеческим материалом», переделывать его, «перековывать» ради «великого будущего» и вселенской свободы. Повествование о дьяволе и его подручных хотят представить как неточную статистику «отдельных недостатков» и ошибок «отдельных лиц». Солженицын же пишет о глобальном искушении, попущенном целому народу, о тотальном растлении, которое несла с собой безбожная идеология, и о возможностях человеческого духа в сопротивлении ей, и его усилении к восхождению.

Наряду со спорами о количественных потерях, в современной литературе множатся попытки мистического оправдания периода репрессий.

В. Бондаренко в книге «Время Красного Быка (Еще одна загадка 1937 года)», изданной в 2000 году, повествуя

¹⁷ *Солженицын А. И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Ч. III–IV. М., 2010. С. 10.

о четырнадцати писателях, родившихся в 1937–1938 годах, создал концепцию плодотворного и плодovitого 1937 года, с мистико-психологическими разрешениями «загадки».

«Те, кто жил под ежедневной угрозой ареста, жили в трагическом эмоциональном напряжении. Отсюда этот мистический период рождения за короткий период 1937–38 годов практически всех лучших писателей России, поколения, целой эпохи»¹⁸. Не менее удивительна мистика А. Проханова, утверждающего, что «новомученики промыслительно рекрутированы репрессиями, чтобы их небесными молитвами в 1945 году была одержана священная победа красного строя»¹⁹.

Не отстают и известные прозаики. Дм. Быков в романе «Оправдание»²⁰ скрыто полемизирует с Солженицыным, в фантастическом плане развивая идею о сверхчеловеках, выковываемых в лагерях и укрепляющих страну. З. Прилепин полемизирует открыто, назвав «Архипелаг ГУЛаг» «сборником лагерных баек» и гордясь тем, что роман «Обитель»²¹ основан на документах (речь идет о вставленных в текст отрывках из широко известного ныне документа — доклада комиссии ОГПУ о положении заключенных в Соловках — 1930 года).

Главы «Архипелага», посвященные Соловецкому лагерю особого назначения, воспоминания соловецких узников²², книги о Соловецком лагере, изданные в течение нескольких десятилетий на Западе и в нашей стране, Прилепин корректирует

¹⁸ Цит. по: *Елисеев Н.* Красота дьявола. По поводу литературных очерков Владимира Бондаренко // Новый мир. 2001. № 5. С. 170.

¹⁹ Подробнее см.: *Роднянская И.* «Каноническая версия истории» и ее проекция в будущее: «Изборский клуб» как визави Кремля? // Посев. 2013. № 7 (1630). С. 18–23.

²⁰ *Быков Д.* Оправдание. Орфография. Остромов. М., 2011.

²¹ *Прилепин З.* Обитель: роман. М., 2014.

²² См., например: Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг. // <http://solovki-monastyr.ru> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

в сторону «позитива»: были же спортивные соревнования, театр, где играли зэки; начальник лагеря (в романе он назван Эйхманис, фамилия исторического лица — Эйхманс) говорит с одним из заключенных по-французски, угощает зэков икрой и водкой, разрешает ученому «выписать» в лагерь мать и т.п. Эйхманис показан как блестящий менеджер, талантливый, эlegantный и парадоксальный. Главный герой — Артем Горяинов, сидящий за убийство отца, — сочувственно слушает софизмы Эйхманиса: «Пишут еще, что здесь мучают заключенных <...> Отчего-то совсем не пишут, что заключенных мучают сами же заключенные. Прорабы, рукабы, десятники, мастера, коменданты, ротные, нарядчики, завхозы, весь медицинский и культурно-воспитательный аппарат, вся контора — все заключенные. Вы сами себя мучаете лучше любого чекиста»²³. И автору романа как будто неизвестны механизмы подобного «парадокса», как будто не раскрыты они в «Архипелаге». За собственные психологические открытия выдает романист цветные картины, которыми иллюстрирует он то, о чем писал Солженицын, — сотрудничество бывших белогвардейцев с чекистами, постепенно переходящее в противоборство. Солженицынский анализ подменен удивлением перед непостижимостью жизненных парадоксов. И только в изображении священников Прилепин полностью независим от предшественников: образы их карикатурны, вся сфера духовной жизни отсутствует. Может быть, потому что лагерь дан глазами человека, который и не догадывается о возможности духовной реальности?

Артем Горяинов видит жизнь только снизу. Прилепину удалось передать ярко и сильно боль человека, безжалостность его и неожиданные добрые поступки, нераскаянность, живучесть, силу физиологического сопротивления мучителям и отчаяние. Но в этом заключается, по Прилепину,

²³ Прилепин З. Указ. соч. С. 272.

вся правда лагеря. Значима цикличность судьбы героя: он убивает отца ножом и от ножа блатных погибает. «Человек темен и страшен, но мир человечен и тепел»²⁴, — утверждает романист, философемой уводя читателя от какого-либо иного осмысления соловецкой реальности. Не так уж важно, какая сила породила этот лагерь, каковы политические и духовные корни этой силы, если только греховность человека всему виной, а выживаемость любой ценой — единственная надежда. А чтобы уж совсем прояснить свою позицию, автор признается: «Я очень мало люблю советскую власть <...> Просто ее особенно не любит тот тип людей, что мне, как правило, отвратителен <...> — это меня с ней примиряет»²⁵.

Способом примирения становятся сглаживание, приукрашивание соловецкой реальности, интонация пренебрежения по отношению к лагерному «сброду», составляющему большинство в «Обители», подспудный спор с Солженицыным, вдруг выплеснувшийся в конце романа: «Потом будут говорить, что здесь был ад...»²⁶.

О необходимости примирения все чаще пишут и в официальных СМИ, и в Интернете. Но кого с кем? И на какой основе? Сегодня мы отчетливо слышим, ощущаем, как пишет И. Б. Роднянская, вербализованный сверху и невербализованный, но глухо гудящий снизу запрос на слияние понятий «Россия» и «СССР», на «укоренение коммунистического семидесятилетия в веках — как закономерного этапа российской исторической органики»²⁷. На это настроены создатели «канонической версии истории», единого учебника по истории для школы — с одной стороны — и якобы оппонирующие им разработчики «русских кодов», входящие в Изборский клуб, — с другой.

²⁴ Там же. С. 746.

²⁵ Там же. С. 702.

²⁶ Там же. С. 689.

²⁷ Роднянская И. Указ. соч. С. 22.

И. Б. Роднянская дает всесторонний политический, философский, религиозный анализ доктрины Изборского клуба. Разоблачая прохановскую псевдохристианскую риторику, Роднянская показывает, что с «церковным христианством изборская идеология обращается по факту — инструментально, по доктринальным принципам — в лучшем случае еретически, в худшем — язычески и бесовски»²⁸. П. В. Мультатули, убедительно проанализировав попытку Изборского клуба примирить «красных» и «белых», показал, что лозунг единого «имперского патриотического» фронта государственников против общего врага — «либеральных глобализаторов», стремление объединить в сонме мучеников и жертв и палачей, выдать современных коммунистов за православных, умалить преступный режим до «случайных издержек» и «государственной целесообразности» — ширма, за которой новый «красный проект», примирение добра со злом, ненависть к исторической традиционной православной русской цивилизации²⁹.

В современных спорах об истории России и «канонической версии» этой истории для единого школьного учебника и для всего общества невозможно обойтись без проверенных и подтвержденных временем мыслей А. И. Солженицына.

Годы советской власти он рассматривал как трагический, но все-таки временный уход России со своего естественного исторического пути; в книге «Россия в обвале» писал о путях выхода из политического, экономического и прежде всего — духовного кризиса. В «потере духовной сосредоточенности» Солженицын видел опасность возврата советской идеологии. Возрождение России, по Сол-

²⁸ Роднянская И. Указ. соч. С. 21.

²⁹ См.: Мультатули П. В. «Редиска наоборот». Куда ведет Изборский клуб? // <http://riss.ru/analytics/2979/> (дата обращения: 01.12.2014). Загл. с экрана. Яз. рус.

женицыну, возможно только внутри тысячелетней ее истории, в осознании того, что «истина, правда во всем мировом течении одна — Божья, и все-то мы, кто и неосознанно, жаждем именно к ней приблизиться, прикоснуться»³⁰.

Мечты «изборцев» о мессианском Российском государстве в будущем, о православно-исламской цивилизации в союзе с Китаем против Запада тесно связаны с протестом против десталинизации, с идеями А. Проханова о Красном проекте в прошлом и строительстве пятой империи в будущем. Квалифицировать эти идеи как «завиральные» и забыть о них? Можно. Но нельзя не видеть отголоски этих идей, да и просто стихийную тягу к возврату советской идеологии в «низовом» сознании, даже в рассуждениях прихожан православных храмов. Тем более что неосталинистские идеи, доктрина Изборского клуба маскируются христианской терминологией. Призыв апостола Иоанна к различению духов (см.: 1 Ин. 4, 1) оказывается не одноактным выбором, а ежедневной задачей, «текущей пневматологией» (выражение Р. Гальцевой).

Солженицын спорит со сторонниками советского режима не по частностям, а выводит спор на метафизическую глубину, показывая неизбежную связь практики репрессий, лжи, разрушения человеческой личности с теорией, на которой система основана: «...такого организованного, военизированного и злоупорного безбожия, как в марксизме, — мир еще не знал прежде. В философской системе и в психологическом стержне Маркса и Ленина ненависть к Богу — главный движущий импульс, первее всех политических и экономических притязаний.

³⁰ Солженицын А. И. Наши плюралисты // Солженицын А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М., 2001. С. 286.

Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт ее. Для ее дьявольских целей надо владеть населением безрелигиозным и безнациональным, уничтожить и веру и нацию»³¹.

Попытка соединить христианство и марксизм, исправив «отдельные недостатки» последнего, бесполезна, поскольку исходят они из взаимоисключающих принципов (*Какое согласие между Христом и Велиаром?* — 2 Кор. 6, 15). Не поняв истоков и результатов ложного выбора, сделанного Россией в 1917 году, невозможно определить пути в будущее для страны и для каждого человека.

Внешнее сходство отдельных аспектов советской морали с христианскими ценностями было или тактическим приемом, или данью традиционной культуре, или эксплуатацией в интересах власти лучших человеческих качеств. Разумеется, всесильная идеология не могла — при всех формах ее внедрения — перекрыть полноту жизни. Солженицын показал, как в самых порой безвыходных ситуациях оставался у человека выбор между добром и злом, ведущий или к расчеловечению, или к возрождению. Творчество Солженицына сотериологически ориентировано, и это так же важно для новых поколений, как и открытая им историческая правда.

Что же касается непрерывности истории, то именно Солженицын показал в «Красном Колесе» эту непрерывность, преемственность как единство Провидения и человеческих усилий, как глубинный ток жизни и как разрывы, обвалы, преграждающие этот ток, но не могущие остановить его. Различение подмен, исторических и духовных фальсификаций — один из уроков творчества Солженицына. И как важен он нам сейчас, когда, по Солженицыну,

³¹ Солженицын А.И. Темплтоновская лекция // Солженицын А.И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 333.

еще остается надежда на то, что «наше сознание и наш дух позволит подняться из нынешнего губительного состояния» (написано в 1998 г.), ибо «у нас еще есть время отстояться и быть достойными нашего нестираемого 1100-летнего прошлого»³².

³² Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С. 204.